

18+

КРИСТИНА СОЛЬ

ТАЙДЗИН ПРИ ДВОРЕ СЁГУНА

ЧУЖИЕ ЗНАНИЯ. ЧУЖОЙ ДВОР. ЧУЖАЯ ЛЮБОВЬ.
ЕЁ ОРУЖИЕ – РАЗУМ. ЕГО – ВЛАСТЬ.

18+

Кристина Соль

Гайдзин при дворе сёгуна

«Автор»

2026

Соль К.

Гайдзин при дворе сёгуна / К. Соль — «Автор», 2026

Военный инженер Анастасия Орлова погибла во время испытаний на полигоне под Москвой. Очнувшись, она обнаруживает себя в теле Аоки Юкэ — дочери казнённого даймё и заложницы при дворе сёгуна в феодальной Японии. Настоящая Юкэ мертва. Чтобы выжить, Анастасии предстоит стать ею для всего мира, скрывая знания, которым в этом веке нет места. Она умеет рассчитывать баллистику, проектировать укрепления и с первого взгляда понимает: деревянный замок, в котором она оказалась, однажды сгорит. Она знает это так же точно, как инженер знает свойства стали. Но сначала нужно выяснить, кто убил прежнюю хозяйку этого тела, пережить дворцовые интриги и не вызвать подозрений у сёгуна Кэнсина — человека, который привык замечать любую ложь. История о разуме, оказавшемся в чужой эпохе, о медленно рождающемся доверии и о попытке изменить будущее, которое, казалось бы, уже давно стало прошлым.

© Соль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полигон	6
Глава 2. О-оку	11
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кристина Соль

Гайдзин при дворе сёгуна

Гайдзин при дворе сёгуна

Кристина Соль

Глава 1. Полигон

Последнее, что я помню до смерти — запах горелой резины и мысль о том, что термитная смесь в третьем контейнере ведёт себя нештатно.

Я даже успела записать это в блокнот.

Потом — вспышка. Белая, абсолютная, без единого оттенка. Не больно — просто вспышка, и всё.

Анастасия Орлова, военный инженер-испытатель, двадцать восемь лет. Умерла в среду в 11:47 на полигоне в Подмоскowie. В блокноте осталась незаконченная фраза: *контейнер три — нештатное поведение при* —

Дальше — ничего.

Потом — деревянный пол под щекой.

Я лежала и не понимала зачем. На полигоне бетон. И линолеум в раздевалке. Деревянного пола там нет нигде.

Запах был неправильный. Не горелая резина — что-то деревянное, смолистое, с примесью благовоний. Ещё — ткань. Много ткани, прямо на коже.

Я попробовала встать.

Тело поднялось — но не совсем моё.

Я имею в виду: оно слушалось, всё работало, но пропорции были другие. Руки тоньше. Ниже центр тяжести. Волосы — длинные, я почувствовала их весом — упали вперёд, когда я наклонила голову.

У меня короткая стрижка. Была.

Я сидела на деревянном полу, в каком-то балахоне из тяжёлого шёлка, с длинными волосами, и методично проверяла гипотезы.

Гипотеза первая: я жива и это галлюцинация от контузии. Проверка — ущипнула себя за запястье. Больно. Запястье чужое, узкое, с бледной кожей. Гипотеза не подтверждается в части «это моё тело».

Гипотеза вторая: я мертва и это загробная жизнь. Загробная жизнь — деревянный пол и шёлк. Возможно. Но слишком конкретно для метафизики.

Гипотеза третья: что-то пошло очень, очень нештатно.

Я встала окончательно и огляделась.

Комната небольшая, низкая. Раздвижные стены — бумага на деревянной решётке, сёдзи, всплыло откуда-то слово. Циновки на полу. Лакированный столик с чашкой и чем-то, похожим на письменные принадлежности. За бумажной стеной — движение, голоса. Японский язык. Я его не знаю.

Я его не знаю — и при этом понимаю.

Это было неприятное ощущение. Как читать текст на чужом языке и вдруг обнаружить, что понимаешь каждое слово — но не помнишь, когда успела выучить.

Голоса за стеной говорили о том, что Аоки-сан пришла в себя и нужно доложить.

Аоки-сан. Очевидно, это я.

Я подошла к столику. На лакированной поверхности стояло маленькое бронзовое зеркало — круглое, размером с ладонь. Я взяла его.

На меня смотрела незнакомая девушка.

Молодая — лет двадцати, не больше. Правильные черты, очень светлая кожа, тёмные волосы заколоты, но растрепались. Глаза — карие, сейчас растерянные.

Красивая. Объективно. Я отметила это как факт, без особых эмоций — мне всегда было не очень до красоты, своей или чужой.

Это была не я.

Я поставила зеркало обратно. Постояла секунду.

Потом подумала: ладно. Данные собраны. Ситуация нештатная — это очевидно. Паника не поможет — это тоже очевидно. Дальше нужна информация.

Профессиональная деформация. Инженеры не паникуют. Инженеры составляют список задач.

Задача первая: понять где я. Задача вторая: понять кто я — в смысле, кем меня считают окружающие. Задача третья: не выдать себя раньше времени.

Стена сдвинулась.

Женщина лет пятидесяти — в тёмном кимоно, волосы убраны безупречно, лицо непроницаемое. Она смотрела на меня так, как смотрят на предмет, который сломался и теперь нужно решить — чинить или выбрасывать.

— Аоки-сан, — произнесла она. — Вы очнулись.

Не вопрос. Констатация.

— Да, — сказала я.

Голос был чужой. Выше моего, мягче. Я привыкну.

Женщина прошла в комнату — движения точные, ничего лишнего. Остановилась в двух шагах. Осмотрела меня с ног до головы.

— Вы падали с дороги и ударились головой. Лекарь сказал — ничего серьёзного. — Пауза. — Как вы себя чувствуете?

— Голова болит, — сказала я.

Это была правда, я только сейчас заметила — тупая боль в затылке, фоновая.

Женщина кивнула.

— Вам нужно привести себя в порядок. Сёгун принимает заложников сегодня на закате. Сёгун.

Я обработала эту информацию быстро. Заложники. Значит, я — заложница. Значит, система санкин-котай, заложники при дворе сёгуна как гарантия лояльности даймё. Значит — Япония, феодальная, эпоха Эдо. Год примерно середина семнадцатого века.

Это я знала. Не из личного опыта — из учебников истории, которые читала когда готовила кандидатскую по истории военных технологий. Три главы про японскую военную систему, одна из которых — про сёгунат Токугава.

Япония семнадцатого века. Деревянные замки. Катаны. Огнестрельное оружие при дворе почти не в ходу — сёгунат держит его под жёстким контролем. Страна только что закрылась от внешнего мира.

И я — военный инженер с дипломом физтеха.

Вселенная явно чувствует юмор.

— Хорошо, — сказала я. — Помогите мне одеться.

Женщина чуть изменилась в лице — едва заметно, но я поймала. Что-то не то. Либо «помогите одеться» — неправильная формулировка для этого времени и места, либо настоящая Аоки никогда так не говорила.

Взяла на заметку. Меньше слов.

Одевание заняло двадцать минут.

Кимоно — это не балахон, как я думала поначалу. Это система. Несколько слоёв, каждый поверх предыдущего, завязки, пояс-оби который женщина затягивала методично и туго. К концу я дышала примерно на треть привычной мощности. Ещё — таби, белые носки с разделённым большим пальцем, и деревянные сандалии.

Я стояла и анализировала.

Плюсы: руки свободны, видимость хорошая, ничего не стесняет движения рук и головы. Минусы: бежать в этом невозможно, ширина шага ограничена, равновесие непривычное из-за сандалий.

Ходить в кимоно нужно иначе — мелкими шагами, с особым наклоном. Мышечная память тела подсказывала как, но я едва за ней успевала.

— Мицуко-сан, — сказала я, потому что имя женщины всплыло из памяти тела — не из моей памяти, из чужой. Фрагмент, как кусочек пазла. — Расскажите мне про аудиенцию. Что я должна делать.

Мицуко смотрела на меня.

— Вы это знаете, Аоки-сан.

— Голова болит, — повторила я.

Мицуко смотрела ещё секунду.

— Поклон до земли при входе. Ждать пока сёгун не заговорит первым. Отвечать коротко. Не поднимать взгляд без позволения.

Я запомнила.

— Другие заложники будут?

— Шестеро. Вы последняя из провинции Сацума.

— Хорошо.

На этот раз Мицуко промолчала. Но взгляд у неё был — как у человека, который что-то заподозрил и пока не решил что с этим делать.

Замок Эдо я увидела когда нас вели через внутренний двор.

Деревянный. Огромный. Белые стены, чёрные крыши с загнутыми краями, поднимающиеся ярусами вверх. Красиво — но я смотрела не на красоту.

Я смотрела на конструкцию.

Дерево и штукатурка. Перекрытия деревянные. Вентиляция — щели между стенами и крышей, стандартные для японской архитектуры. Источники воды — я видела колодцы во дворе, три штуки, расположение нерегулярное.

Этот замок сгорит, всплыло у меня в голове. Я знала когда — в 1657 году, через шесть лет. Большой пожар Мэйрэки. Три дня огня. Около ста тысяч погибших.

Я шла по двору и думала: шесть лет. Если я здесь застряну — увижу это.

Или не увижу. Если сделать правильные противопожарные разрывы между строениями, если организовать систему оповещения, если—

— Аоки-сан.

Мицуко смотрела на меня. Я остановилась — оказывается, я остановилась посреди двора и смотрела на стены замка, пока остальные заложники шли вперёд.

— Прошу прощения, — сказала я и пошла следом.

Зал для аудиенций.

Большой, по-японски пустой — ничего лишнего, только пространство и свет из высоких окон. Шестеро заложников выстроились в ряд, каждый со своим сопровождающим. Я встала последней. Пол холодный через тонкие носки.

Мы ждали.

Я разглядывала зал. Архитектура несущих балок — интересная, они распределяют нагрузку равномерно, это правильно для сейсмически активной зоны. Окна расположены так, что солнце бьёт в лицо тем, кто стоит на нашем месте — и не бьёт в лицо тому, кто сидит на возвышении напротив. Продуманно.

Кто-то здесь думает о тактических преимуществах даже в архитектуре.

Двери в дальнем конце зала открылись.

Кэнсин вошёл без объявления — просто появился, и все вокруг согнулись в поклоне синхронно, как трава под ветром. Я последовала за ними — поклон до земли, лоб почти касается пола.

Из этого положения я видела только деревянные доски и носки чужих ног. Слышала шаги — лёгкие, равномерные, уверенные. Человек, который привык что пространство принадлежит ему.

Шаги остановились.

— Встаньте.

Голос — ровный, без интонации вверх или вниз. Просто констатация.

Мы встали.

Я подняла взгляд ровно настолько, насколько позволял протокол, который Мицуко успела объяснить — не выше уровня его подбородка.

Сёгун стоял в пяти метрах от нас. Лет двадцати пяти — двадцати шести. Выше среднего роста для этого времени. Тёмный хаори — накидка — с гербом Токугавы. Лицо правильное, закрытое. Никаких эмоций — ни интереса, ни скуки, ничего.

Он смотрел на шестерых заложников так, как я смотрю на чертёж нового устройства. Методично. Слева направо.

Добрался до меня.

Остановился.

Я это почувствовала — не взглядом, периферийным зрением. Задержался на мне дольше, чем на других.

Я стояла смирно. Руки по швам, взгляд в точку чуть ниже его лица. Военная стойка, вбитая за годы на полигоне.

Он шагнул вперёд — один шаг, прямо ко мне.

Советник рядом с ним что-то едва слышно произнёс — я разобрала только «Аоки» и «провинция Сацума».

Сёгун смотрел на меня. Молча.

Я ждала.

— Имя, — сказал он наконец. Не «как тебя зовут» — просто «имя».

— Аоки Юкэ.

— Из Сацумы.

— Да.

Он молчал ещё секунду.

— Вы стоите как солдат.

Это тоже не было вопросом.

Я не знала правильного ответа. Сказала единственное, что казалось честным:

— Я упала с дороги и ударилась головой. Некоторые вещи я помню плохо.

Он смотрел на меня ещё секунду — ровно, без выражения.

Потом отвернулся и пошёл дальше вдоль ряда заложников.

Советник рядом с ним — пожилой, лет сорока пяти, с острым взглядом — посмотрел на меня последним. Коротко. Оценивающе.

Я запомнила этот взгляд.

Аудиенция закончилась быстро — формальности, несколько слов каждому заложнику, ничего содержательного. Нас вернули в женские покои.

Мицуко шла рядом молча.

В своей комнате я опустилась на циновку и некоторое время просто сидела.

Инвентаризация.

Что я знаю: Япония, 1651 год, двор сёгуна Токугава. Я — Аоки Юкэ, заложница из провинции Сацума.

Сёгуна зовут Кэнсин.

Вот первая нестыковка. В той истории, которую я учила, сёгуном в тысяча шестьсот пятьдесят первом был Токугава Иэцуна — и на трон он сел ребёнком, лет десяти, за него правили регенты. А этот Кэнсин, если верить тому, как о нём говорят, — взрослый мужчина и правит не первый год. Другое имя, другой возраст, другая биография.

Одно из двух. Либо я скверно помню учебник — что возможно, я сейчас много чего помню скверно. Либо это не та Япония, которую я изучала. Похожая. Совпадающая в общих чертах. Но сдвинутая в деталях — в именах, в лицах.

Проверю по-крупному. Большие события — пожары, войны, год, когда откроют границы, — если они на местах, значит, история та же в основном, а разошлись только имена. С этим можно работать.

Языка не знаю — но понимаю, и тело знает как говорить. Памяти Юкэ у меня обрывки, недостаточно.

Что я умею: физика, химия, сопромат, баллистика, фортификация, взрывчатые вещества, организация производственных процессов. Кандидатская по истории военных технологий — незащищённая, потому что взорвалась раньше срока.

Что мне угрожает: неизвестно. Пока — ничего очевидного. Я заложница, но меня никто не обидел.

Что я буду делать дальше: собирать информацию.

За стеной что-то шумело. Женские голоса, смех — другие заложницы устраивались в соседних комнатах.

Я посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные, с аккуратными ногтями. Не мои руки. Мои были шире, с мозолями от инструментов.

Я убрала эту мысль.

Потом вернула.

Нет. Не убирать. Запомнить что это чужое тело — и двигаться дальше.

Мои руки остались на полигоне. Эти — инструмент. Работаем с тем, что есть.

Сёгун заметил, что я стою как солдат.

Это не очень хорошо для конспирации. Нужно будет поработать над осанкой.

С другой стороны — он не выгнал меня из зала. Не приказал арестовать. Просто отметил, как отмечают странную деталь в чертеже, и пошёл дальше.

Загадки его интересуют, всплыло у меня откуда-то. Не из памяти Юкэ — просто ощущение от того, как он смотрел.

Стена сдвинулась.

В дверях стояла Мицуко.

— Аоки-сан. — Её голос был ровный, но что-то в нём было другим, чем раньше. — Сёгун велел перевести вас в другие покои.

— В какие?

— Ближе к его крылу замка.

Она смотрела на меня — и в её взгляде был вопрос, который она не задавала вслух.

Я не знала ответа на этот вопрос. Поэтому ответила на другой — тот, который она должна была задать:

— Я не понимаю почему.

— Я тоже, — сказала Мицуко.

И это было не очень обнадеживающе.

Конец первой главы

Глава 2. О-оку

Новые покои оказались больше прежних.

И ближе к внешней стене — я это отметила сразу, пока шла следом за Мицуко по коридорам. Поворот, ещё поворот, переход через открытый переход с видом на внутренний двор. Потом — закрытая галерея с решётчатыми окнами. Потом дверь.

Комната в два раза больше той, где я очнулась. Циновки свежие, запах нового дерева. Окно — одно, с видом на сад. В саду росла сосна, старая, с изогнутым стволом.

Красиво. Но сад меня интересовал меньше, чем то, что за ним.

За садом шла стена. Высокая, беленая. За стеной — крыши флигелей. За флигелями, судя по направлению, должно быть восточное крыло замка.

Резиденция сёгуна находилась в восточном крыле.

Я оглядела комнату. Стены бумажные — сёдзи. Потолок деревянный. Одна дверь, она же вход. Окно — слишком узкое для человека, но вентиляция работает. Пол чуть выше уровня галереи снаружи.

— Располагайтесь, — сказала Мицуко. Поставила что-то на столик и направилась к выходу.

— Мицуко-сан.

Она остановилась.

— Почему меня перевели?

— Сёгун не объясняет своих решений.

— Понимаю. Но вы, вероятно, строите гипотезы.

Пауза. Долгая.

— Вы говорите странно, Аоки-сан, — сказала Мицуко. — Юкэ так не говорила.

— Голова болит, — повторила я в третий раз.

— Да, — сказала Мицуко. — Голова болит.

Она вышла.

Я провела первый час в новых покоях за изучением окрестностей.

Не выходя из комнаты — просто слушала, смотрела в окно и складывала картину.

Звуки: шаги охраны снаружи — двое, меняются каждые два часа судя по ритму. Женские голоса из соседних комнат — другие заложницы тоже переселились, или только я? Далёкий металлический звук — кузница где-то в хозяйственном дворе, работает до заката. Птицы в саду.

Взгляд из окна: сосна, стена, крыши. Над крышами — небо. Солнце падает на запад, значит, я смотрю на восток.

Значит, я смотрю в сторону покоев сёгуна.

Это либо совпадение, либо он хотел чтобы я это знала. Или чтобы кто-то это знал — и пришёл.

Стандартная приманка.

Я приняла это к сведению и отложила.

Потом взяла в руки вещи, которые Мицуко оставила на столике. Кисть, тушь, бумага. Письменные принадлежности. Либо Мицуко думала что я буду писать письма, либо это стандартный набор для заложниц, либо — третий вариант — это проверка. Посмотреть как Аоки Юкэ держит кисть.

Я взяла кисть.

Мышечная память тела знала что делать. Кисть легла в руку правильно — не так как ручка, иначе, с другим углом и другим нажимом. Я попробовала написать иероглиф, первый который пришёл в голову.

Получилось. Не идеально, рука подрагивала, но узнаваемо.

Отложила кисть. Хорошо — одним вопросом меньше.

Потом достала из-под воротника кимоно маленький блокнот — не блокнот, кусок бумаги, который я нашла в прежней комнате и спрятала до переезда. Взяла кисть снова и начала рисовать.

Не иероглифы. Схему.

План замка — такой, каким я его видела сегодня. Внешний двор, ворота, галереи, флигели. Где я была, куда шла, что видела. Приблизительно, из памяти, но архитектурная память у меня хорошая — профессиональная деформация.

Пожарные риски я отметила сразу: кузница слишком близко к деревянным постройкам. Кухонный флигель — открытый огонь без защитного разрыва. Хозяйственные склады с маслом и зерном — рядом с жилыми помещениями.

Этот замок, если его не переделать, сгорит быстро.

Я написала в углу схемы: 1657. Пожар Мэйрэки. Три дня. Около ста тысяч погибших.

Потом подумала и замазала тушью. На случай если найдут — это не то, что нужно объяснить.

Ужин принесла молодая служанка — молча поставила поднос и ушла.

Рис, суп с чем-то, маринованные овощи. Я съела методично, без особого вкуса — не потому что невкусно, а потому что думала.

Полагаю, думать за едой в семнадцатом веке тоже не принято. Но в комнате одна, никто не видит.

За стеной слышались голоса — соседняя комната, женщины. Я прислушалась.

Две заложницы, молодые. Обсуждали сегодняшнюю аудиенцию. «Сёгун смотрел на Аоки долго» — один голос. «Она странная» — другой. «Говорят, она упала с дороги и ударилась головой». «Тогда понятно».

Значит, версия про голову работает.

Я убрала поднос в сторону и легла на циновку. Смотрела в потолок.

Завтра нужно: понять распорядок жизни в о-оку. Узнать как выходить за пределы женской половины — и выходят ли вообще. Найти кого-нибудь кроме Мицуко, кто готов разговаривать.

Ещё: осторожнее с речью. «Строить гипотезы» — явно не то, что говорят дочери даймё в 1651 году. Нужно слушать как разговаривают другие и адаптироваться.

Я закрыла глаза.

Подумала: я умерла на полигоне. Меня, наверное, уже похоронили. Мать в Ярославле получила уведомление. Коллеги помянули — они умеют поминать, у нас в отделе это отработано, к сожалению.

Потом убрала эту мысль.

Не сейчас.

Утром Мицуко пришла рано.

Принесла чистое кимоно — тёмно-синее, строже чем вчерашнее. Помогла одеться, убрала волосы. Работала молча. Когда закончила — не ушла.

Я ждала.

— Аоки-сан, — сказала Мицуко. — Вы были в Эдо раньше?

— Нет.

— Тогда расскажите мне про дом в Сацуме.

Пауза.

Проверка. Первая осознанная проверка — если я не знаю про дом, это подозрительно.

Я собрала фрагменты памяти тела. Они шли неровно, как страницы из рассыпавшейся книги — без порядка, без контекста.

— Дом стоял у реки, — сказала я медленно. — Сосна у ворот. Отец держал лошадей. — Пауза. — Больше я плохо помню.

— Лошадей ваш отец не держал, — сказала Мицуко ровно. — У него были быки. Три быка для работ.

Молчание.

— Голова болит, — сказала я.

— Да, — повторила Мицуко. — Голова болит. — Она смотрела на меня — без враждебности, но и без мягкости. — Вы знаете, что нужно делать в о-оку?

Смена темы. Хорошо.

— Объясните.

— О-оку — это мир без мужчин. Сюда не входят даже слуги мужского пола. Только сёгун — если захочет. — Мицуко говорила ровно, как излагают регламент. — Здесь живут жёны, наложницы, женская прислуга и заложницы. У каждой свой статус. Ваш — заложница без особых прав. Это значит: вы не покидаете о-оку без разрешения, не разговариваете с охраной напрямую, не посылаете письма без моего просмотра.

— Когда я могу выходить?

— Когда я скажу, что можно.

— А если сёгун захочет говорить со мной?

Мицуко смотрела на меня секунду.

— Тогда придут и скажут.

— Понятно. — Я подумала. — Мицуко-сан, я могу ходить по саду?

— Если я с вами.

— Идёт.

Мицуко снова на долю секунды изменилась в лице — едва заметно. «Идёт» — тоже неправильная формулировка.

Я взяла на заметку и убрала в список.

Сад оказался меньше, чем казался из окна.

Но деревьев там было больше. Сосна у стены, две сакуры — сейчас голые, ноябрь, листьев нет. Камни, мох. Небольшой бассейн с карпами.

Я шла по дорожке и считала.

Стена справа — высотой метра три, не меньше. Поверх — черепица. Через такую стену не перелезть тихо, черепица загремит. Ворота в дальнем конце сада — на замке, охрана снаружи.

Выходы есть — но не здесь.

— Аоки-сан.

Я обернулась. Мицуко стояла у сосны — не следила демонстративно, просто была рядом.

— Вы смотрите на стены.

— Смотрю на сад.

— Вы смотрите на стены, — повторила она без интонации. — Аоки Юкэ не смотрела на стены.

Я остановилась.

Можно было снова сослаться на голову. Но это начинало звучать как оправдание, а оправдание хуже, чем честный разговор.

— Мицуко-сан, — сказала я. — Я понимаю, что вы заметили разницу. Я не буду делать вид что не понимаю.

Она смотрела на меня.

— Что именно вы заметили? — спросила я.

Долгое молчание.

— Вы не знаете про быков, — сказала Мицуко. — Вы держите тело как мужчина. Вы говорите фразами, которых Юкэ не говорила. Вы смотрите на стены. И вы только что спросили меня что я заметила — Юкэ не задавала таких вопросов.

Хороший список. Точный.

— Что вы с этим будете делать? — спросила я.

— Зависит от ответа. — Мицуко не двигалась. — Кто вы?

Я думала примерно три секунды.

— Человек, которому нет смысла вам врать, — сказала я. — И человек, которому нужна помощь. Не сейчас. Потом.

— Это не ответ.

— Нет. Но это честно.

Мицуко смотрела на меня долго. Потом кивнула — коротко, один раз.

— Идёмте обратно, — сказала она. — Холодно.

Это не было «я вам доверяю». Это было «я пока не буду действовать». Разница есть. Но для первого дня — достаточно.

После обеда меня позвали к другим заложницам.

Оказалось, раз в день они собираются в большой комнате — что-то вроде обязательного общения. Шитьё, разговоры, чай. Мицуко объяснила по дороге: так устроено, чтобы залож-

ницы не сидели по норам и не строили заговоров в одиночестве. Группой строить заговоры сложнее — все видят всех.

Логика понятная.

В комнате было пятеро — кроме меня, шестой. Три молодые, примерно моего возраста — то есть возраста Юкэ. Одна постарше, лет тридцати. Одна совсем юная — лет шестнадцати, смотрела в пол и почти не говорила.

Меня встретили вежливо. Поклоны, формальные приветствия. Любопытство — не злое, просто интерес.

— Аоки-сан из Сацумы, верно? — спросила одна, светлолицая, с живыми глазами. — Я Фудзивара Сэи. Из Осаки.

— Верно, — сказала я.

— Вы упали с дороги?

— Да. Ударилась головой.

— Тяжело, — посочувствовала Сэи с интонацией человека, которому не очень жаль, но вежливость обязывает. — Вы вчера на аудиенции выглядели растерянно.

— Голова, — сказала я коротко.

— Сёгун смотрел на вас. Мы все заметили.

Все кивнули. Пятеро пар глаз — одновременно, слаженно.

— Наверное, это странно — стоять как солдат, — сказала я. — Вот и смотрел.

Сэи засмеялась — тихо, прикрыв рот рукой.

— Он смотрел не поэтому.

— А почему?

— Мы не знаем, — ответила она совершенно серьёзно. — Именно поэтому все и заметили.

Интересно.

Я взяла из стопки кусок ткани для шитья и начала делать вид что шью — руки Юкэ это умели, пальцы двигались правильно. Слушала.

Женщины при дворе — это информационная сеть. Этот принцип, судя по всему, работает в любом веке. Через пятнадцать минут я знала: что двое из охранников восточного крыла поменяли пост без объяснений вчера, что кухонный управляющий поспорил с кем-то из советников о закупках, что один из старших самураев сёгуна вернулся из поездки с незапланированным грузом.

Незапланированный груз — это интересно.

— Сэи-сан, — сказала я. — Советник Хидэ — он давно при дворе?

Сэи подняла взгляд от шитья.

— Лет двадцать. С тех пор как сёгун был мальчиком. Хидэ-сан его учил. — Она чуть понизила голос. — Говорят, он знает сёгуна лучше, чем сёгун себя сам.

— И как он к заложницам?

— Никак, — сказала Сэи. — Они для него мебель. — Она посмотрела на меня чуть внимательнее. — Почему вы спрашиваете?

— Изучаю местность.

Сэи моргнула. Потом улыбнулась — по-настоящему, без ритуального прикрытие рта.

— Мне нравится как вы говорите, Аоки-сан.

— Спасибо, — сказала я. — Это последствие удара головой.

Она засмеялась снова. На этот раз остальные тоже — тихо, но искренне.

Первый социальный контакт установлен. Запишем в актив.

Ночью я лежала и слушала замок.

Ночной замок звучит иначе, чем дневной. Охрана ходит реже. Деревянные конструкции скрипят — не от ветра, от перепада температуры. Где-то далеко — колокол, отмечает часы.

Я считала шаги охраны снаружи. Один патруль — двое, каждые двадцать минут. В промежутке между патрулями — тишина примерно восемнадцать минут.

Достаточно чтобы пройти от этой комнаты до садовых ворот. Недостаточно чтобы перелезть стену и вернуться.

Полезная информация. Пока непонятно зачем, но полезная.

Я думала о Мицуко. О том, что она сказала — «Аоки Юкэ не смотрела на стены». Она права. Настоящая Юкэ была заложницей из маленькой провинции, дочерью опального даймё. Для неё замок — клетка из шёлка, как я думала с самого начала. Люди в клетке не смотрят на стены с профессиональным интересом к конструкции.

Мицуко умная. Это хорошо и плохо одновременно.

Я перевернулась на бок. Смотрела на бумажную стену — за ней что-то светило, очень слабо. Фонарь в галерее снаружи.

Подумала о Кэнсине.

Он перевёл меня ближе к своим покоем. Три варианта: хочет наблюдать, хочет иметь доступ, хочет чтобы у меня был доступ к нему — или к кому-то другому. Второй вариант мне нравился меньше всего. Третий — интересен.

Значит, я сейчас — загадка.

Пока я загадка — я живу. Когда перестану быть загадкой — неизвестно. Нужно оставаться интересной достаточно долго, чтобы стать нужной.

Это я умею. На полигоне именно так и работала — держать интерес начальства, пока проект не докажет свою ценность.

Та же механика. Другой масштаб.

Стена снаружи скрипнула — кто-то прошёл по галерее. Охрана.

Я закрыла глаза.

На третий день нашли нож.

Я не нашла — нашла Мицуко. Пришла утром убирать комнату, сдвинула циновку у стены — и там был нож. Небольшой, в деревянных ножнах. Мицуко взяла его двумя пальцами, посмотрела и положила обратно не говоря ни слова.

Потом посмотрела на меня.

— Не моё, — сказала я.

— Знаю.

— Откуда?

— Потому что если бы оно было ваше, вы бы его спрятали лучше, — сказала Мицуко.
— Или не стали бы прятать совсем.

Логично.

— Что теперь?

— Теперь я должна доложить.

— Кому?

— Советнику Хидэ. — Мицуко взяла нож, не убирая в руку — отдельно, на расстоянии.
— Он доложит сёгуну.

— А можете не докладывать?

Мицуко посмотрела на меня.

— Нет, — сказала она. — Нахождение оружия в о-оку — это не то, что скрывают. Это то, о чём сразу сообщают. Иначе кажется, что я соучастник.

— Понятно.

— Вам нужно понять кто подбросил, — сказала Мицуко. — До того как об этом начнут спрашивать вас.

— У меня три дня пребывания здесь. Врагов у меня быть не должно.

— Врагами не становятся, — сказала Мицуко. — Ими рождаются — по причинам, о которых вы можете не знать. — Она пошла к выходу. — Ждите здесь.

Она вышла с ножом.

Я осталась.

Три дня. Кто-то подбросил нож в мои покои за три дня. Это либо тот, кто хотел убить Юкэ ещё до того, как я в ней оказалась — и продолжает. Либо тот, кто хочет подставить меня перед сёгуном.

Оба варианта плохие. Первый — опаснее.

Я сидела и ждала.

Примерно через час за мной пришли.

Не Мицуко — двое охранников снаружи о-оку, молчаливые, в форменных хаори с гербом Токугавы. Один жестом показал: идти.

Я встала. Поправила кимоно.

Пошла.

Конец второй главы

Глава 3. Допрос

Меня привели не к Кэнсину.

Привели к советнику Хидэ.

Комната для допросов — я сразу поняла что это она, хотя выглядела как обычная комната для переговоров. Слишком пустая. Слишком хорошо освещённая. Окна расположены так, что свет падал на то место, где я должна была сидеть, а лицо Хидэ оставалось в тени.

Я оценила архитектуру и села.

Хидэ устроился напротив. Лет сорока пяти, сухой, с острыми глазами которые я запомнила ещё со вчерашней аудиенции. Советник, который учил Кэнсина с детства. Человек, для которого заложницы — мебель.

Нож лежал между нами на лакированном подносе.

— Аоки-сан, — сказал Хидэ. Не поклонился — она заложница, он советник, статус не требует. — Откуда этот нож?

— Не знаю. Мицуко-сан нашла его под циновкой. Я его не приносила.

— Когда вы его последний раз видели?

— Никогда.

Хидэ смотрел на меня. Долго, не меняя выражения.

— Аоки-сан, вы понимаете, что хранение оружия в о-оку — это серьёзное нарушение?

— Понимаю. Именно поэтому говорю — нож не мой. Кто-то подбросил.

— Кто?

— Не знаю. Я здесь три дня.

— Три дня достаточно, чтобы нажить врагов.

— В таком случае, — сказала я, — скажите мне кто это мог быть, и я скажу вам нажила ли я их.

Хидэ чуть изменился в лице. Настолько чуть, что я едва поймала.

— Вы разговариваете не как женщина из Сацумы.

— Я упала с дороги и ударилась головой.

— Мицуко-сан уже докладывала об этом объяснении, — сказал Хидэ. — Три раза за два дня.

Я замолчала.

— Нож, — продолжил Хидэ, — принадлежит клану Такэда. Мы идентифицировали его по металлу. — Он смотрел на меня ровно. — Клан Такэда не лоялен сёгунату. Понимаете, что это означает?

— Что либо кто-то из клана Такэда был в замке и подбросил нож в мои покои, либо кто-то хочет чтобы вы думали именно это.

Хидэ молчал секунду.

— Оба варианта вас устраивают?

— Ни один меня не устраивает. Но второй интереснее.

— Почему?

— Потому что первый означает что в замке есть агент врага. Второй означает что в замке есть кто-то, кто хочет создать конфликт между сёгунатом и кланом Такэда. Это может быть выгоднее для него, чем сам конфликт.

Хидэ смотрел на меня. Потом переставил нож на подносе — чуть, на сантиметр. Я заметила: это был жест человека, который думает и делает что-то руками.

— Женщины из Сацумы не говорят о политике, — произнёс он.

— Женщины из Сацумы не падают с лошади и не ударяются головой, — ответила я. — Очевидно, со мной что-то пошло не так.

Молчание.

— Вы свободны, — сказал Хидэ наконец. — Пока.

— Пока — до чего?

— Пока сёгун не решит что с вами делать.

Я встала, поклонилась и пошла к двери.

— Аоки-сан.

Остановилась.

— Второй вариант, который вы назвали, — произнёс Хидэ. — Он правильный.

Я не обернулась. Просто кивнула и вышла.

Мицуко ждала в галерее снаружи.

Мы пошли обратно в о-оку молча. Уже в коридоре женской половины я сказала:

— Хидэ сказал что нож принадлежит клану Такэда.

— Знаю.

— Это правда?

— По металлу определить точно нельзя, — сказала Мицуко. — Хидэ-сан это тоже знает.

— Тогда зачем он сказал?

— Хотел посмотреть на вашу реакцию.

Я обдумала это.

— И что он увидел?

— Не знаю, — сказала Мицуко. — Я там не была. — Она открыла дверь в мою комнату. — Но вы вернулись, а не остались под арестом. Значит, увидел что-то приемлемое.

Я вошла. Циновка, под которой нашли нож, была заменена — новая, более тёмная.

— Мицуко-сан, — сказала я. — Кто мог это сделать?

— Тот, у кого был доступ к этим покоям до вас.

— Кто жил здесь раньше?

Пауза.

— Наложница, — сказала Мицуко. — Умерла год назад. Болезнь.

— Или не болезнь?

Мицуко посмотрела на меня долго.

— Ложитесь отдыхать, Аоки-сан, — сказала она. — Сегодня был тяжёлый день.

Ответ был в том, чего она не сказала.

Следующие три дня я вела себя как образцовая заложница.

Шитьё с другими женщинами. Прогулки в саду с Мицуко. Еда в отведённое время. Разговоры — короткие, осторожные, на темы которые не вызывали вопросов.

Я слушала.

Через три дня у меня было следующее.

Советник Хидэ появлялся в восточном крыле каждый день до полудня. После полудня — Кэнсин работал с военными советниками. Вечерами — один или с одним человеком, это Хидэ снова.

Кэнсин с заложницами не говорил. Ни разу за три дня. Это норма — судя по разговорам женщин, он вообще редко появлялся в о-оку.

Незапланированный груз, который упоминала Сэи, — оказался тканями. Дорогими. Для кого — никто не знал.

Наложница, жившая в моих покоях, умерла от «болезни живота». Быстро — три дня от начала до конца. Никто особо не горевал, никто особо не расследовал.

Клан Такэда — старый клан, один из самых влиятельных после Токугава. Формально лоялен. Фактически — по репликам которые я ловила в разговорах — ведёт собственную игру уже лет десять.

Что всё это значит — я пока не знала. Но картина складывалась.

На четвёртый день произошли два события.

Первое: утром Мицуко сказала, что сёгун вызывает меня.

Второе: в ту же ночь в замке случился пожар.

Пожар начался после полудня — в хозяйственном флигеле у кухни.

Я услышала крики раньше, чем почувствовала запах дыма. В о-оку шум сразу — женщины, прислуга, кто-то плакал. Мицуко появилась быстро:

— Не выходить.

— Где горит?

— Кухонный флигель. Не выходить.

Она ушла. Я подошла к окну.

Дыма над садовой стеной пока не было видно — значит, горело с другой стороны, с запада. Ветер шёл с севера, умеренный. При таком ветре огонь пойдёт на юг, к жилым постройкам.

Я смотрела на крыши. Думала.

Кухонный флигель. Открытый огонь, масло, деревянные конструкции. Нет защитного разрыва между флигелем и ближайшей галереей — я видела это на своей схеме. Если огонь перейдёт на галерею, дальше пойдёт быстро.

Тушить из колодцев. Три колодца во дворе — я видела. Расстояние от кухонного флигеля до ближайшего колодца примерно тридцать шагов. Если выстроить цепочку людей с ведрами, можно подавать воду быстро, но нужно не меньше десяти человек на цепочку.

Снаружи в саду — голоса. Прислуга в панике, кто-то молился, кто-то бежал непонятно куда.

Я открыла дверь.

— Аоки-сан, — сказала молодая служанка, которая дежурила в галерее. — Мицуко-сан велела не выходить.

— Я выйду, — сказала я. — Либо вы идёте со мной, либо ждёте здесь.

Служанка смотрела растерянно.

Я вышла.

Хозяйственный двор был именно таким, каким я его представляла — только хуже.

Огонь уже перешёл с кухонного флигеля на дровяной склад. Дым чёрный, плотный. Несколько человек — слуги, пара охранников — стояли и смотрели. Кто-то молился. Кто-то тащил ведро в неправильную сторону.

Я оценила ситуацию за десять секунд.

Дровяной склад — потерян, тушить бесполезно. Приоритет — не дать огню перейти на соединительную галерею справа. Галерея идёт к жилым корпусам. Если она займётся — дальше будет не остановить.

Между складом и галереей — метра четыре открытого пространства. Достаточно. Но крыша галереи уже начинала дымиться — летящие угли.

— Воду, — сказала я громко. — На крышу галереи. Не на склад — на галерею. Быстро.

Несколько голов повернулось.

— Аоки-сан, — начал охранник.

— Колодец там. — Я показала. — Вы, вы и вы — цепочка от колодца. Вёдра есть?

Растерянность. Потом один из слуг, молодой, кивнул и побежал за вёдрами. За ним — ещё двое.

— Крышу нельзя поливать снизу, — сказал кто-то.

— Нельзя, — согласилась я. — Нужен человек наверху. Есть лестница?

Нашлась лестница. Нашёлся человек — тот же молодой слуга, смелый. Полез с ведром.

Цепочка выстроилась неровно, но работала.

Я командовала ещё минут двадцать — перемещала людей, корректировала направление воды, следила чтобы на крыше галереи постоянно был человек. Огонь на складе гореть не переставал, но на галерею не перешёл.

Потом пришли настоящие люди с водой — много, организованно. Кто-то наконец поднял тревогу по нормальным каналам.

Я отошла в сторону.

Руки Юкэ дрожали — от напряжения, от дыма. Кимоно пропахло гарью.

— Аоки-сан.

Я обернулась.

Кэнсин стоял в трёх метрах.

Не в парадном хаори — в более простой одежде, в которой, очевидно, работал. Рядом — двое охранников и Хидэ с невозмутимым лицом.

Кэнсин смотрел на горящий склад. Потом на меня. Потом снова на склад.

— Вы командовали, — произнёс он. Не вопрос.

— Да.

— Почему?

— Потому что огонь переходил на галерею, — сказала я. — А никто не пытался это остановить.

Молчание.

— Склад потерян, — продолжила я. — Но галерея цела. И жилые корпуса.

Кэнсин смотрел на меня. Ровно, без выражения. Потом перевёл взгляд на Хидэ.

— Найдите причину пожара, — сказал он.

— Уже ищем, — сказал Хидэ.

Кэнсин кивнул. Посмотрел на меня последний раз.

— Женщины Аоки не умеют командовать, — произнёс он. — Кто вас учил?

Я не знала правильного ответа. Сказала единственное что было правдой:

— Отец учил думать. Остальное сложилось само.

Кэнсин смотрел на меня ещё секунду. Потом — повернулся и пошёл.

— Аоки-сан, — произнёс Хидэ, прежде чем уйти следом. — Завтра утром вас вызовет сёгун. Лично.

Он ушёл.

Я стояла в дыму и думала: отлично. Завтра утром.

Конец третьей главы

Глава 4. Сделка

Мицуко разбудила меня до рассвета.

— Нужно одеться подобающе.

Я не возражала. Сидела и позволяла — слои кимоно, оби, шпильки в волосах. За окном темно, сад черный, только сосна угадывается силуэтом.

— Мицуко-сан. Что происходит когда сёгун вызывает кого-то лично?

— Это редко.

— Я понимаю что редко. Что происходит?

— Разговор. — Она затягивала оби туго, методично. — Иногда это хорошо. Иногда плохо.

— Как понять что хорошо?

— По тому, вернётся человек или нет.

Я переварила это.

— Оптимистично.

— Я стараюсь быть точной, — сказала Мицуко.

Она закончила с кимоно и занялась волосами. Работала молча. Когда убрала последнюю шпильку — остановилась у меня за спиной и посмотрела в маленькое бронзовое зеркало на столике.

— Аоки-сан, — сказала она. — Когда вы там — говорите меньше.

— Обычно это хороший совет.

— С сёгуном — особенно. Он запоминает всё. Если вы скажете лишнее сейчас, это всплывёт через месяц.

— Понятно.

— И не смотрите на него прямо.

— Знаю.

— Знаете, — повторила Мицуко. — Откуда?

Я не ответила. Мицуко не настаивала.

Покои сёгуна находились именно там, где я предполагала — в восточном крыле, за садом.

Меня привела Мицуко до ворот восточного крыла, дальше передала охране и ушла. Охрана провела через несколько коридоров — чистых, пустых, с запахом древесины и чего-то нейтрального. Никаких лишних предметов, никаких украшений. Функциональность.

Комната, куда меня ввели, была рабочей. Стол — низкий, с разложенными картами. Несколько стопок документов. Чернильница, кисти.

Кэнсин стоял у окна, спиной ко мне.

Я поклонилась — правильно, до нужного угла. Встала. Смотрела в точку на уровне его плеча.

— Садитесь, — сказал он, не оборачиваясь.

Я села. Подождала.

Он обернулся. Прошёл к столу, сел напротив. Взял кисть, не используя её, просто держа. Смотрел на меня.

— Вчера вы остановили огонь.

— Галерею остановили слуги, — сказала я. — Я только указала направление.

— Вы знали что делать.

— Физика огня одинакова везде.

— Физика, — повторил он. Не как вопрос — просто повторил слово, примерил.

Я промолчала. Помнила совет Мицуко.

— Нож, — сказал Кэнсин.

— Не мой.

— Хидэ так и думал.

— Хидэ-сан сказал мне что металл принадлежит клану Такэда.

— Он проверял вашу реакцию.

— Я знаю.

Кэнсин чуть изменился — что-то в том, как он держал кисть. Едва.

— Вы знаете много вещей, которые не должны знать.

— Да.

— Объясните.

Я думала секунду. Потом решила — не всю правду, но достаточно.

— Я получила другое воспитание, чем предполагает моё положение. — Я выбирала слова аккуратно. — Отец учил меня думать о структурах — о том, как держатся замки, как горит дерево, как движется огонь. Ему казалось, что это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.